В самом начале 90-х годов прошлого века сногсшибательным успехом среди молодёжи пользовались начавшиеся издаваться в России книги Юрия Витальевича Мамлеева (1931–2015). Этот писатель был известен ещё со времён «самиздата» и «тамиздата» как писатель исключительно эпатажный и метафизический. Его произведения уже с первых публикаций привлекали к себе внимание многочисленных читателей. Было совершенно не важно, где этот читатель живёт. В России ли, в Америке ли... Да где угодно. Будь это даже не центры цивилизации и культуры, а медвежьи углы на краю света, в какой-нибудь отечественной или зарубежной Тмутаракани. Его книги будоражили людей. Помимо русского языка они издавались на английском, французском, немецком, итальянском, греческом, голландском...

Между тем, сам Юрий Мамлеев относился к писателям, чуждым шуму света. Он предпочитал уединённый образ жизни. Выпячивать себя не любил. Не только скромным поведением, но и внешним обликом Юрий Мамлеев напоминал аристократа. Не барина, а именно русского аристократа, похожего чем-то на Петра Чаадаева (1794–1856). Наверное, такое сходство с типажом из казалось бы навсегда исчезнувшего дворянского сословия создавали ему неторопливый ритм его жизни и любовь к уединению.

Мамлеев
Юрий Витальевич

Напомню наблюдение немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860): «*Чувство, питающее склонность к уединению и одиночеству, — есть чувство аристократическое. Пошляк всегда общителен*». Как и Пётр Чаадаев, Юрий Мамлеев верил в историческую будущность России. Чаадаев выразил эту веру в «Апологии сумасшедшего» (1837), а Мамлеев в своей книге «Россия вечная» (2002).

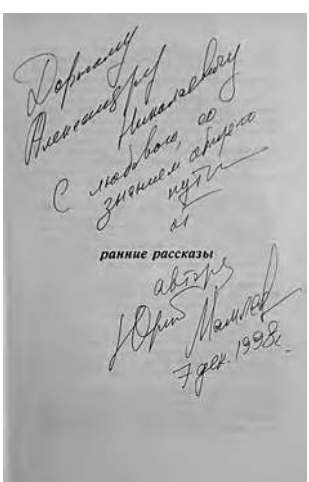
Конечно же, в свои молодые годы Юрий Мамлеев был другим. И пил, как тогда говорили, взапуски, не зная удержу. И компанию шумную любил. И беседы всю ночь напролёт с товарищами по перу. Было много всего такого, что обогащает жизненный опыт человека. Воспоминания об этой бессистемной жизни, но насыщенной общением с людьми из разных социальных слоёв, вошли в рассказы и повести Юрия Мамлеева.

Писатель своей шокирующей прозой возрождал полузабытые вечные истины, которые так или иначе опирались на Божий промысл. По крайней мере, так в 70-е и 80-е годы думали многие из моих товарищей. Читали мы произведения Юрия Мамлеева, разумеется, в машинописи. Впрочем, два его сборника рассказов «Изнанка Гогена» и «Живая смерть», выпущенные в 1981-м и 1986 годах издательством «Третья волна», привёз мне из США Святослав Бэлза, мой друг, много путешествующий по миру. Спустя двенадцать лет, 7 декабря 1998 года, Юрий Витальевич оставил на сборнике рассказов «Живая смерть» надпись: «*Дорогому Александру Николаевичу. С любовью, со знанием общего пути, от автора*».

Среднестатистический человек, каким он пришёл к концу XX века, лишён величия и славы. Люди опять оказываются далеки друг от друга, словно они проживают на разных планетах. Их своеволие ничем не ограничивается, как, впрочем, и словоблудие. Их похотливые фантазии осуществляются самым непристойным образом. Недаром они напоминают в рассказе «В бане» каких-то *зверо-философов*. В этом рассказе писатель едко замечает, говоря об этих омерзительных мутантах: «*Представьте себе, например, Платона, одичавшего в далёких лесах*».

Юрий Мамлеев привык «копать глубоко», выявляя основные психологические качества современного *Гомо сапиенса.* Он предугадывает и предчувствует, каким образом и при каких обстоятельствах эти качества проявят себя в ближайшем будущем при тех или иных обстоятельствах. Его можно в этом случае назвать предтечей, то есть писателем, который своим творчеством подготовил путь будущим великим прозаикам XXI века.

Мне как индологу и поэту близок художнический метод Ю.В. Мамлеева. Он называл его метафизическим реализмом. В прозе мастера определённо существует мистическая подоплёка в духе Николая Гоголя и Фёдора Достоевского.



Юрий Мамлеев любил побродить в потёмках души человеческой со скальпелем патологоанатома. Обращусь опять к сборнику рассказов «Живая смерть». Чего стоит, например, повествование о том, что муж, испражнившись поутру на подушку, лежащую в изголовье супружеской кровати, оставляет своей спящей жене письмо с душераздирающей исповедью, в которой содержится объяснение этого сумасшедшего поступка (рассказ «Письмо»). Этот незадачливый человек, вывалив в письме на спящую жену свои скопившиеся за многие годы обиды и претензии, впадает в состояние медитации, размышляя о странных изменениях в её облике: «*Глашенька, лицо твоё превращается в задницу, а задница превращается в лик*». К реальной действительности, как правило, героев Юрия Мамлеева возвращает «выпендрёж», подобный только что рассказанному. Вот как писатель заканчивает рассказ «Письмо»: «*И он и она стали счастливы. Глаша просто решила, что её муж сошёл с ума, и была рада, что так легко избавилась от него.*

А он — потому что жил оставшееся время один-одинёшенек, а больше ему ничего и не было нужно».

В произведениях Мамлеева всё переставлено с ног на голову в этом преобразованном современной цивилизацией мире. Потому-то и люди, приспособляясь к обезбоженному обществу, мечтают жить в нём без мозгов. Исключительно согласно инстинктам и по наитию: «*Ты в Москву поезжай или за границу. Там, говорят, профессора мозги кастрируют*» (рассказ «Счастье»). Или из того же рассказа: «*Жизнь идёт спокойная, размеренная, как мысли восточных деспотов*».

Обыкновенная жизнь, к которой мы с детства привыкли, в художественном мире Юрия Мамлеева словно бы не существует. Однако было бы заблуждением полагать, что между человеком и зверем, жизнью и смертью не существует чётких границ. В созданном писателем художественном пространстве чётко обозначены пространственно-временные координаты и присутствует нравственный императив, формирующий поведение человека.

Понять адекватно художественный мир Юрия Мамлеева не так-то просто. Для этого необходимо обратиться к учению индуистов (или индусов) — *веданте*, опирающееся на заключительные части *Вед* — *упанишады*, древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера. На протяжении многих лет писатель занимался ведическими текстами. Особенно его интересовала древняя индийская религиозно — философская школа, сложившаяся в рамках веданты — *адвайта-веданта* (*веданта недвойственности*). Он внёс свою лепту в трактовку этого учения, о чём свидетельствует его книга «Россия вечная». В ней Юрий Мамлеев опирается на мысли индийского религиозного философа и проповедника Шанкары (VII — нач. VIII в.), который акцентировал своё внимание на проблемах реальности, познания и освобождения. Писатель опирается и одновременно полемизирует с этим мудрецом из далёкого прошлого Индии.

Веданта представляет наиболее влиятельное направление индуистской религиозно-философской мысли. В основе этого учения лежит тезис о единстве *Атмана* (санскр. дыхание, дух, «Я», самость) и *Брахмана.* Н.В. Исаева в энциклопедии «Индийская философия» пишет: «*В самом общем смысле Атман понимается как всеобъемлющее духовное начало, чистое сознание, самосознание; обычно в качестве абсолютного сознания коррелирует с Брахманом как абсолютным бытием. Истоки представления об Атмане восходят к Ригведе, где он означает дыхание, как*

жизненную силу, воплощённую во всех существах (…), а также дух, оживотворяющий всю Вселенную…».

В.К. Шохин в той же энциклопедии характеризует *Брахман* как «*одно из системообразующих понятий индийской мысли, означающее абсолютное первоначало бытия и глубинное содержание всех мировых феноменов…».*

Главная мысль учения «*адвайты-веданты*» сформулирована коротко и чётко в одном стихотворении на языке санскрите: «*Брахма — истина, мир — ложь, душа неотличима от Брахмана».*

Случайное совпадение или предвидение?

Что с человечеством будет завтра? Или послезавтра? Только и слышишь, что стоим у последней черты и ничего хорошего ждать не приходится. На наши головы ежедневно сваливается множество проблем. Мы находимся в постоянном стрессе. Уже вошло в привычку ни на минуту не расслабляться. Держим по инерции ухо востро, а взгляд сохраняем зорким. Издёвкой воспринимается в этой ситуации высказывание древнегреческого философа Эпикура (342–270 гг. до н. э.): «*Величайший плод справедливости — безмятежность*». Святослав Бэлза часто по этому поводу шутил: «Как трубы вострубят — не успеешь и чирикнуть».

Не всякому человеку дано предвидеть будущее. Потому-то вера в мудрость пророков и в достоверность их пророчеств только возрастает.

Пессимистических пророчеств — пруд пруди, а вот оптимистических с гулькин нос. Последние особенно радуют, какими бы заумными они не казались. Как, например, те, что появились в книге Юрия Мамлеева «Россия вечная»: «*…Историческая Россия выдерживала все испытания ещё и потому, что даже в самые тяжёлые годы нашествий и смуты она никогда не теряла своей “русскости”, своей сути… Но в любом случае сама Метафизическая Россия является гарантом вечности России и Россий, в которых могут воплощаться и те души русских людей на этой земле, которые в конечном итоге пойдут по пути сочетания единства с Россией. Русскому человеку, таким образом, самим Богом дана возможность идти к невероятным реалиям и целям, и для него чем цель запредельней, тем она реальней и желанней».*

За книгу «Россия вечная» Юрию Мамлееву была присуждена в конце 2012 года премия правительства Российской Федерации. Как отмечала «Российская газета», в ней знаменитый писатель-метафизик «*развил собственную доктрину русской идеи, ни на*

что не похожую и не имеющую аналогов». Человека воодушевляют хорошие новости, будь они даже об обещанных и в итоге не состоявшихся событиях.

Будучи человеком верующим и порядочным, Юрий Витальевич Мамлеев вряд ли бы одобрил мысль Вольтера (1694–1778): «*Если бы Бога не существовало, Его следовало бы выдумать*». Но, безусловно, он горячо приветствовал бы, как многие из нас, другой тезис французского вольнодумца, более определённый и конкретный: «*Истина, свобода и добродетель — вот единственное, ради чего нужно любить жизнь*». Другое дело, что жизнь во всех её противоречиях и контрастах, прямо скажу, полюбить нелегко. Особенно она бывает в тягость, когда сталкиваешься с чем-то труднообъяснимым.

Издавна повелось, что пророческие предсказания пользовались и пользуются в России повышенным спросом. Чего уж тут скрывать. Впрочем, в наши дни отечественных оракулов и провидцев, пифий и сивилл затмила простая женщина из Болгарии по имени Ванга. А ведь ещё совсем недавно по конкретности предсказаний Россия-матушка занимала чуть ли не первое место в мире. Даже общая и расплывчатая идея о конце света у наших доморощённых нострадамусов приобретала особую конкретность. А всё из-за того, что в ней присутствовало желание избежать личной ответственности за будущие события. Отсюда и непоколебимая вера в предопределённость того, что было предсказано и в соответствии с этим предвидением произошло или произойдёт.

Может быть, именно позицией «моя хата с краю» объясняется востребованность пророчеств в современном мире. По существу, это одна из форм психотерапевтического воздействия на людей. Попытка снять с них какую-либо личную ответственность за трагические и кровопролитные события, происшедшие при их жизни или в удалённом прошлом при их предках.

Вспомню некоторые из этих отечественных пророчеств. Главным образом те, что сегодня наиболее известны. Например, пророчество вещего Авеля, современника Екатерины II и Павла I, о том, что последний русский царь из династии Романовых сменит царскую корону на терновый венец, примет страдания нечеловеческие и станет царём-мучеником. О том же самом пророчествовал Серафим Саровский, предсказавший Александру I, что род Романовых просуществует три столетия и три года.

Ещё в прошлом веке у нас всяким прорицаниям предпочитали проклятия. Однако постоянно насылать божьи кары утомительно.

Проклятия из-за их частого употребления тускнеют. Иными словами, становятся риторическими фигурами. Приедается слушать одно и то же. Угрозы наслать чуму на чей-то дом сейчас никого уже не волнуют. Ведь это будет чей-то дом, а не твой собственный. К тому же не надо забывать, что у всякого предсказания существует альтруистическая подоплёка — искренняя или показная боль за человека. Кроме того, в его основе содержится недовольство существующим порядком вещей. Особенно в те годы, когда «как-то по-больному идёт время». Эта привлёкшая меня фраза взята из «Дневника 1934 года» поэта Серебряного века, переводчика, прозаика, композитора Михаила Кузмина (1875–1936).

Не из больного ли времени идёт представление о будущем как о счастливой альтернативе неблагополучному настоящему? Или же о существовании того же настоящего в его наихудшем варианте? Особенно широко использовались у нас проклятия в 1937–1938 годы. В годы Большого террора. Место карающего Бога тогда занял гнев трудящихся.

О поэтах и их пророческом потенциале

Понятно, что многие пророчества (особенно когда они исходят от людей авторитетных или им приписываются) воспринимались в прошлом и воспринимаются по сегодняшний день не как некие исторические предания, а как достоверные факты. Со времён Державина и даже раньше пророком у нас считается человек со всякими заморочками в голове. Например, юродивый с его непредсказуемым поведением и маловразумительными речами. К этому психологическому типу в его рафинированном и окультуренном виде можно также отнести и искусного в красноречии человека, умеющего не столько своим поведением, сколько словом воздействовать на людей. Такой златоуст известен как народный вития, как трибун, как поэт. Именно он, как полагают, силой своего таланта и вдохновения предчувствует будущее и внушает людям, что его пророчества обязательно сбудутся. Вот что по этому поводу говорил гениальный русский учёный Владимир Иванович Вернадский (1863–1945): «*В истории развития человечества значение мистического настроения — вдохновения — никогда не может быть оценено слишком высоко. В той или иной форме оно проникает всю душевную жизнь человека, является основным элементом жизни*».

После такой впечатляющей цитаты великого учёного самое время перейти к поэзии. Смысловая и словесная невнятица рус-

ского поэтического постмодернизма времён Михаила Горбачёва и Бориса Ельцина какое-то время привлекала читателей, прежде всего, пародированием советских идеологических штампов и стереотипов. Карнавальная дорога нашего постмодернизма, предоставлявшая, как поначалу казалось, неограниченный простор для ёрнической мысли и импровизационной игры, не успев начаться, упёрлась в тупик. В настоящее время такой поэтический модернизм выглядит обычной застольной хохмой.

Большинство поэтов возвернулось на широкую и бескрайнюю пушкинскую дорогу. Особенно поэты, обладающие религиозным сознанием. На этот раз опытными проводниками для них стали не только Александр Блок, Марина Цветаева, Николай Гумилёв, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, но и поэты Русского зарубежья. Особенно те изгнанники, кого относят к первой волне эмиграции.

Почему это событие должно было неминуемо произойти, объяснил живший в Праге и заглянувший на десятилетия вперёд прозаик Евгений Николаевич Чириков (1864–1932). В его сборнике рассказов «Между небом и землёй» (Париж, 1926) читаем: «*Поэзия, как вам известно, родная сестра религии. Поэзия, как и религия, построена на вере в Бога, в чудеса, в откровение свыше, Вся наша литература рождена из этой веры в Добро и Зло, и только такая литература носит русский национальный характер, а всякие эти новомодные, украденные из-за границы школы, — всё это так, мыльные пузыри*!».

Поэзию рассматривают как эмоциональную форму углублённого самопознания. На это утверждение трудно возразить. Страсти разгораются вокруг другого вопроса. О том, какое место занимает поэзия в жизни отдельного человека и человеческого сообщества. А проще говоря: зачем она вообще нужна? На эту тему особенно много споров велось ещё в конце 1920-х и в 30-е годы среди молодого поколения писателей Русского зарубежья. В их среде существовало две партии. Как писал поэт, прозаик, критик и художник Лев Николаевич Гомолицкий (1903–1988) в 1935 году в сборнике «Новь» (Таллин), посвящённом памяти Льва Николаевича Толстого, к первой партии относились писатели, большей частью обитавшие на Востоке и убеждённые в том, что стихи относятся к так называемым *Законам Ману* (*Ману-смрити*) — также известные как *Манава-дхарма-шастра* или *Ману самхита*.

Законы Ману представляют *собой* древнеиндийский свод предписаний, относящийся к религиозно-нравственному и обще-

ственному долгу (*дхарме*), кодексу чести ариев. Именно в стихах, как объявляли эти писатели, «*начинается жизнь и к своему же первоисточнику возвращается*». А уж из этого исходного постулата следовало, что поэты — «*непризнанные законодатели мира*».

Сам Лев Николаевич Гомолицкий в поэтическом творчестве больше склонялся к Западу, чем к Востоку. В автобиографической поэме «Варшава», опубликованной в 1934 году в сдвоенном номере (9–10) варшавского еженедельника «Меч», он вспоминает Россию и своё детство в Царском Селе. Этот еженедельник выходил в Варшаве (редактор Д.В. Философов) и в Париже (редактор Д.С. Мережковский). В нём печатались самые талантливые писатели Русского Зарубежья, в том числе и Л.Н. Гомолицкий. Приведу крошечный отрывок из поэмы «Варшава»:

Гляжу, как, соблазняя нимфу, / бог манит каменной лозой,
и старомодным роем рифмы / овладевают вдруг душой.
И, одержимый их звучаньем, / расстаться с ними не хочу,
их бормочу, как причитанья, / их пальцем на песке черчу.

Вторая партия писателей смотрела на своё ремесло куда скромнее. Она приняла за основу своего взгляда на поэтическое творчество определение Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972) из его знаменитой книги «Комментарии». Авторитетный мэтр полагал, что стихи — «*это тихое лунное дело*», не больше того. Как точно отметил О.А. Коростелёв (1959–2020), известный исследователь литературы Русского зарубежья, «*ряд поэтов и писателей младшего поколения думал по Адамовичу, проверяя свои мысли и своё мироощущение по “Комментариям”*».

Этот взгляд Георгия Адамовича на сущность поэтического творчества Лев Гомолицкий сопрягал с размышлениями величайшего китайского мыслителя древности Лао-цзы. Он транскрибировал его имя как Ляотсе: «*Само слово стихи тихое. Есть в нём китайская ляотсевская смиренномудрость: главный принцип религии Ляотсе, кирпичики, из которых сложено его учение об истинном совершенстве — смирение, тихость. Ляотсе — величайший из всех законодателей, светящийся тихостью — даже не умерший — отошедший (буквально) из мира, или — лучше — растворившийся в воздухе легенды, — потому он ближе Магомета тихим законодателям — стихотворцам. Главный принцип его: тихое есть самое громкое, последнее — первое. “Вода, — она прозрачна, безвкусна, не имеет формы, но невидимый ручеёк подмывает горы, капля крушит гранит”. Недаром за стихи*

ссылали, заточали, казнили. Не историей ли доказано, что из тихого дела вырастали громкие дела».

Некоторые сведения о душе

Поговорим о душе. Никому ведь не запретишь заглянуть в тот мир, что с трудом познаётся, да и то с помощью религиозного чувства. Душа для большинства из нас, по-прежнему, остаётся тайной за семью печатями. Поэтому каждый, кому не лень, толкует её вкривь и вкось и всякий раз по-разному. Однако некоторым художественно одарённым людям удаётся довольно-таки близко подойти к её разгадке. Как ещё заметил древнегреческий философ Демокрит из Абдеры (ок. 470 или 460 — ок. 380 или 370 до н. э.), философ, учёный-энциклопедист, основатель античной атомистики: «*Всё, что поэт пишет с божественным вдохновением и святым духом, то весьма прекрасно*». И ещё Демокрит дал «научное» определение душе. Для него душа «*это огнеподобное сложное соединение умопостигаемых телец, имеющих сферические формы и огненное свойство*».

Другой древнегреческий философ Анаксагор из Клазомен (ок. 500–428 до н. э.) сосредоточился на одной из многочисленных возможностей души. Для него «*душа — это то, что движет*».

К этим двум философам добавлю другого авторитетного грека — философа и учёного-энциклопедиста Аристотеля из Стагиры (384–322 до н. э.). Его рассуждения о душе более обстоятельны: «*Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ*». Вывод, сделанный Аристотелем, верный и многое объясняющий. Например, возникновение «душевных» отношений между хищниками и их жертвами. Интернет заполнен такими душещипательными историями.

Лауреат Нобелевской премии по литературе (1913 г.) индийский писатель и поэт Рабиндранат Тагор (1861–1941) высказался о душе, как и пристало просвещённому индийцу, в форме заклинания: «*Хоть горька беда — будь, душа, тверда*». Задолго до него другой поэт итальянец Данте Алигьери (1265–1321) посмотрел на душу, словно находился в космосе: «*Душа — величайшее чудо мира*». В Талмуде, священной книге иудеев, душа трактуется как «*сущность невидимая, хотя всё видящая*».

И, наконец, обращусь к одному из индийских гениев. К мудрости основателя религиозно-философской школы *двайта-веданта* (дуалистическая веданта) Мадхвачарье (1238–1317), считавшего

душу «*лишь телом, особенность которого — сознание*». Эта веданта оппонирует адвайта-веданте, что следует из её названия.

На Западе повеяло ветром с Востока

Мысли о душе пришли мне на ум при чтении захватывающей по содержанию книги «Непал: взгляд из России». Она вышла под редакцией М.Ф. Альбедиль и Л.Я. Боркина в Санкт-Петербурге в конце прошлого года и посвящена памяти выдающегося востоковеда Ивана Павловича Минаева (1840–1890), основателя школы российской индологии. Это серьёзное научное достижение восемнадцати учёных. Книга состоит из двух разделов: «Культура, традиции, религии» и «Природа». Статьи первого раздела объединяет одна идея — необходимость жить согласно моральным законам. Сказано об этом не в лоб, но достаточно внятно и убедительно.

Минаев был первым русским, кто в феврале 1875 года отправился в Непал. В XIX веке в России мало кто знал о существовании этой зажатой между Индией и Тибетом страны. У кого-то, предполагаю, тут же возникнет вопрос: «*А какое отношение к Непалу имеет душа, эта загадочная субстанция?*». Отвечу: самое непосредственное! Топоним *Непал*, по одной версии опирающийся на ныне мёртвый язык санскрит, означает: *жилище расположенное у подножья самых высоких гор*, то есть Гималаев. А по другой версии, использующей тибетский язык, переводится как *святая земля*. Ведь на территории нынешнего Непала родился Сиддхартха Гаутама, известный человечеству как Будда. К тому же душа человеческая очищается и возвышается в страданиях, а ещё в скитах отшельников. То есть в большом отдалении от людей. Например, среди высоких и недоступных гор.

Чтобы читатель ещё раз смог убедиться, как горы благотворно действуют на сознание и душу человека, процитирую несколько стихотворных строк Владимира Высоцкого: «*Здесь голубым сияньем льдов / Весь склон облит, / И тайну чьих-нибудь следов / гранит хранит. / И я гляжу в свою мечту поверх голов / И свято верю в чистоту снегов и слов*».

В предисловии к книге «Непал: взгляд из России» её составители искренне сожалеют о том, что этой удивительной стране в отечественном востоковедении, и не только в нём одном, уделяется мало внимания: «*Остаётся лишь удивляться, что такая во многих отношениях уникальная страна с её практически нетронутой архаикой не стала объектом длительного, серьёзного, глубокого и всестороннего изучения со стороны специали-*

стов разных наук, как она того, бесспорно, заслуживает. Что касается гуманитарного направления, то, по сути, в нашем отечественном востоковедении до сих пор не сложилось непаловедения как устойчивого и динамично развивающегося направления со всем набором изучаемых дисциплин (история, лингвистика, филология, фольклористика и т. п.) и собственно научной школой, хотя благодатный непальский материал даёт для этого богатейшие возможности».

Елена Петровна Блаватская

Иван Павлович Минаев

Такая ситуация не случайна. Она опирается на давний интерес к оккультной и теософской традициям, в которых реальность с её достоверными фактами заменена вымыслом. Именно ему в настоящее время в России отдаётся приоритет. Это с одной стороны, а с другой — с появлением интереса к оккультизму и теософии возник у моих современников широкий интерес к Северной Индии, Непалу, Бутану, Тибету. А для учёных наступило благодатное время энергичнее взяться за научное исследование различных феноменов в культуре и религиозной практике этих стран.

Наша соотечественница, основательница теософии Елена Петровна Блаватская (1831–1891) в XIX веке прославилась в России своей книгой путевых очерков «Из пещер и дебрей Индостана». Её изданию предшествовали журнальные публикации в «Русском вестнике» в 1880 году. Первое изданное в России сочинение Блаватской принесло ей небывалый успех. В тот год в Индии также находился И.П. Минаев. Среди последователей жизни и творчества Блаватской бытует представление, что она побывала на территории Непала на несколько лет раньше него. Это один из многочисленных фейков, на которые Елена Петровна была большая мастерица.

Как следует из биографии Е.П. Блаватской, она во всех своих начинаниях надеялась на серьёзный успех, потому-то ей было важно заполучить в союзники И.П. Минаева, выдающегося русского востоковеда. Она написала ему письмо, в котором, в част-

ности, говорилось, что в ней «*английские власти подозревают русскую шпионку*». И.П. Минаев на это письмо не ответил. Как я полагаю, он решил, что его втягивают в какую-то международную авантюру, и проявил осторожность. Тем более, что в тот приснопамятный 1880 год его поездка в Индию состоялась при содействии Российского Генерального штаба, а в России публика во всю шумела по поводу спасения индусов от британского рабства.

Общественное мнение в тот год было в России такое, что представлялось вполне возможным столкновение между ней и Англией. Что касается И.П. Минаева, он сделал всё возможное, чтобы воспрепятствовать авантюре со втягиванием России в бессмысленную и кровавую бойню. Недаром он записал в своём дневнике: «*Эта вера в то, что в Индии нас ждут как освободителей — просто непостижимая глупость*!».

Кому ещё, как не учёным, восстанавливать правду со всей научной тщательностью и скрупулёзностью. Не всем читателям, однако, такой подход и соответствующий ему стиль повествования приходится по душе. Ведь завлекательные словесные фиоритуры даже посредственных беллетристов бывают привлекательней сухого языка учёных. К счастью, наукообразный язык в книге «Непал: взгляд из России» отсутствует. Её содержание также не усложнено специфической терминологией.

«Российская ассоциация исследователей Гималаев и Тибета», от имени которой выпущена книга, состоит, как можно догадаться, не из кабинетных учёных, замшелых и окостеневших от изнурительного сидения за письменным столом. Многие из её авторов побывали в стране своих научных интересов. Некоторые из них, особенно те, кто занимаются земноводными и пресмыкающимися — от безобидных лягушек до гремучих змей — на протяжении многих лет неоднократно участвовали в герпетологических экспедициях. Описание результатов этих полевых исследовании вошло во второй раздел книги «Природа» (авторы статей Л. Я Боркин, С.Н. Литвинчук, Д. А Мельников, А.А. Романов, Е.В. Мелихова, Е.А. Коблик, М.А. Зарубина, К.Е. Михайлов).

В предисловии к книге её составители пишут: «*Непал — страна древней истории, истоки которой теряются в глубине веков. Находясь между двумя исполинами, Индией и Китаем, постоянно балансируя между ними и органично воспринимая их мощные культурные импульсы, она сохраняет свою неповторимую самобытность, хотя в последние десятилетия неизбежно утрачивает её под неумолимым натиском глобализации*».

Основные темы, рассматриваемые авторами в первой части книги, — индуизм и буддизм. В их контексте исследуются исторические и социальные процессы, происходившие и происходящие сегодня в Непале, специфика его кастовой системы, а также этнические традиции, культурно-бытовые особенности и материальное наследие населяющих эту страну народов. Есть о чём поразмышлять вдумчивому и внимательному читателю. По существу, её авторы фокусируют своё внимание на проявлениях мощного и всеобъемлющего духовного начала у жителей Непала в их верованиях, повседневной жизни и деятельности, а также в их взаимоотношениях с природой. Иными словами, деликатно и всесторонне рассматривается одно из основных понятий индийской религиозно-философской традиции — *атман* (дыхание, дух, «Я», самость).

По конституции 2015 года Непал объявлен светским государством. Но одно дело что-то объявить декретом и совсем другое — жить согласно этой новой официальной декларации. Реальная конфессиональная ситуация в Непале, доказывает в своей статье М.Ф. Альбедиль, не соотносится со светскостью и конфессиональным безразличием. Действительно, проще реки повернуть вспять, чем верования, религиозные и ритуальные традиции исключить из сознания большей части непальцев. А также изгнать их из идеологии, культуры, повседневной и общественной жизни. В Непале по сей день доминирующей религией является *индуизм*. Его исповедует 80 % населения. Замечу, что термин *индуизм* сочинён европейцами в конце XVIII — начале XIX веков. Он как нельзя лучше подходил для обозначения того «*необозримого комплекса разнородных верований, культов, ритуалов, социальных отношений, философских взглядов, эстетических канонов и т. п., с которыми британские власти столкнулись в Индии*».

Вообще-то сами индийцы *индуизм* называют *санатана дхарма*, что означает *вечный закон* или *вечное учение*. Понятие *дхарма* пришло из туманной дали доисторических времён. Восходит оно к древнейшей *Книге гимнов* — «Ригведе». В её контексте слово *дхарма* переводится на русский язык как *носитель, распорядитель, опора, крепкое установление, закон, порядок*. В Непале *буддизм* и *индуизм* взаимодействуют. К тому же в том и другом присутствуют архаические магические практики.

О Минаеве как первооткрывателе для России Непала повествует статья Т.В. Ермаковой. Первое путешествие учёного в эту страну состоялось в 1874–75 гг. Оно началось с посещения Англии, где он в Лондоне и Кембридже обзавёлся влиятельными друзья-

ми, которые оказали ему содействие в получении разрешения посетить Непал. Что может сделать один человек, оказавшись в стране, основательно отличающейся от всего другого мира? Немного. То, что собрал, изучил и опубликовал И.П. Минаев, невероятно как по разнообразию его научных интересов, так и по результатам его полевых разысканий. Как это ему удалось сделать, об этом пишут многие авторы книги.

Итак, благодаря И.П. Минаеву, россияне узнали о Непале и населяющих его народах, их верованиях и культуре. Со второй половины XIX века появилось у россиян восхищение этой таинственной страной и её талантливыми людьми. Тогда-то и началось у нас собирание предметов культуры и религиозных культов Непала. В настоящее время три российских музея располагают обширными коллекциями непальского искусства. Это Государственный музей Востока (Москва). Достаточно подробно об его коллекции пишут в книге Н.Г. Альфонсо и Е.М. Карлова. За ним следуют Государственный музей истории религии (статья Е.А. Терюковой) и Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге (статья Ю.И. Елихиной).

Обстоятельная статья О.С. Хижняк посвящена культовым объектам в Непале — буддийским ступам, их истории развития и символике. Здесь мы вплотную приближаемся к познанию запредельного. Картина мира в классическом буддизме основана на идее единого *психокосма*, имеющего выражение одновременно в онтологическом и психологическом планах, включающих в себя три мира — чувственный, форм и не-форм.

Л.А. Стрельцова, говоря о гуманитарном комплексном изучении Непала в России, констатирует, что после кончины И.П. Минаева интерес к этой стране среди отечественных исследователей угасает на долгие годы, вплоть до появления в ней легендарного Бориса Николаевича Лисаневича (1905–1985). О том, как появился в Непале этот необыкновенный человек, более подробно можно узнать из книги Маргариты Фёдоровны Альбедиль «Непал: люди, боги, звери» (СПб., 2019). Книга написана выразительным, художественным языком, с любовью к народам этой загадочной страны. А тем, кто заинтересуется Лисаневичем с его феерической судьбой и захочет узнать о нём значительно больше, Маргарита Фёдоровна советует прочитать книгу М. Писеля «Тигр на завтрак». По её словам, «*этот человек прожил не одну, а несколько жизней, и каждая из них могла бы стать сюжетом для захватывающего авантюрного романа или фильма*».

После Октябрьского переворота 1917 года юнкер Борис Лисаневич, родом из города Одессы, бежал от большевиков за кордон и, в конце концов, оказался в Париже. За границей он попал в театр, обучился балету, с гастролями объездил не один десяток европейских городов и даже поступил в труппу «Русского балета» к самому Сергею Дягилеву. В том же Париже судьба свела его с молодой танцовщицей Кирой Щербачёвой, которая вскоре стала его женой.

Борис Лисаневич появился в Непале в 1951 году по приглашению непальского короля Трибхувана из династии Шахов и остался в этой стране навсегда. Непал стал для него землёй обетованной. Его жена Кира предпочла жить в Америке, где открыла балетную школу. Тогда же Борис Лисаневич женился на Ингер, белокурой красавице из Дании. Благодаря энергичному и предприимчивому одесситу непальцы стали разводить морковь, свёклу, шпинат, цветную капусту, клубнику. Он же научил их использовать в разведении свиней промышленную технологию. Убедил короля открыть страну для иностранцев и создал огромный по тем временам туристический рынок, а также высокоразвитую инфраструктуру с гостиничной сетью и транспортом.

Борис Лисаневич оказывал финансовую поддержку первым гималайским экспедициям. Открыл в Катманду первую европейского уровня гостиницу «Королевский отель». М. Ф Альбедиль пишет в книге «Непал: люди, боги, звери»: «*...с ним были знакомы все знаменитые альпинисты, покорившие Эверест, начиная с сэра Хиллари*». И ещё процитирую из этой же книги: «*...невозможно даже перечислить всё, что сделал для Непала неутомимый одессит Борис Лисаневич. За что бы он ни брался, всё у него выходило наилучшим образом*».

Как говорят в России, «*душу вложишь — всё сможешь*». Не в этом ли содержится правда жизни, её соль? Не с этого ли начинается выздоровление человечества и связанная с ним его новая форма мышления, к которой призывал Альберт Эйнштейн (1979–1955)? Тогда и трубы не вострубят, и стены наших жилищ не рухнут в тартарары. Так будем смотреть в будущее с оптимизмом.

Недаром Александр Пушкин в сохранившемся фрагменте воспоминаний об историке и писателе Николае Карамзине (1766–1826) написал: «*Чувство выздоровления — одно из самых сладостных*».

Москва